

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94

Ю. С. Мыльникова

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ИНСТИТУТЕ НАСЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЯ (ДИНАСТИИ ТАН — СУН)

За долгую историю императорского Китая права мужчин в наследовании имущества изменялись мало, однако когда субъектом права выступают женщины, исследователю открывается совершенно иная, динамичная, перспектива в области имущественных прав. Новые правовые постановления вносили коррективы в права женщин на собственность, либо существенно меняли их, наиболее радикальные перемены произошли в XX в. с вступлением в силу Гражданского кодекса республиканского Китая.

Исследователи правовой истории Китая долгое время были заинтригованы некоторыми свидетельствами того, что дочери в сунские времена обладали большими правами на семейную собственность, чем при любой другой династии. Доказательства в пользу этого аргумента были найдены в сборнике «Мингун шупань цинминцзи» (名公书判清明集), состоящем из 473 судебных решений Южной Сун (1127–1279). Согласно некоторым судебным делам на момент раздела семейной собственности дочь обладала законным правом на определенную часть имущества в размере $\frac{1}{2}$ от доли сына. В случае если в семье не было преемника по мужской линии, претензии дочери на наследование имущества усиливались.

Некоторые исследователи полагают, что в сунское время согласно «закону $\frac{1}{2}$ доли» («half-share rule» — термин, закрепившийся в англоязычной литературе) дочери обладали практически равными правами наследования имущества вместе с сыновьями, однако утратили их во времена последующих династий.

Именно по этой причине в синологии, преимущественно японской, появилась точка зрения, что реалии сунской эпохи были исключением для императорского Китая.

Эта гипотеза стала отправной точкой горячей дискуссии между японскими правоведами Ниида Нобору и Сига Сюдзо¹. Предметом спора стали не только права дочерей, но и анализ самой природы семейной собственности (цзячань 家产), а также

¹ См.: [1, 2, 3].

© Ю. С. Мыльникова, 2011

взаимосвязь между наследованием имущества и патрилинейной преемственностью в императорском Китае. Ниида, верный идеям своего наставника Накада Каору, отстаивал мнение, что семейной собственностью в императорском Китае, как правило, обладали все члены дома (хозяйства), и мужчины, и женщины (цзяцзю гунчаньчжэ 家族共产者). Именно совместное владение, а не принципы ритуального наследования или прямого наследования опосредовало передачу собственности от одного поколения к другому. По взглядам Ниида, дочери были «совладельцами» семейного имущества (гун'ючжэ 共有者) наряду с сыновьями и обладали такими же правами на эту собственность, но в ограниченных пределах.

Ниида рассматривал расширение имущественных прав дочерей при Южной Сун в качестве доказательства своего главного тезиса. По его мнению, в южносунских законах в наиболее полноценном и законченном виде был отражен статус дочерей как «совладельцев» семейной собственности. Причиной этому было то, что законодательство впитало в себя местные традиции и обычаи южного Китая после передвижения Сун на юг из-за цзиньского завоевания 1127 г. Пристальное внимание к местным обычаям и практикам согласуется с лейтмотивом всех работ Ниида: местные обычаи и практика порождают законы.

Сига категорически отверг заключения Ниида: основным звеном во владении семейной собственностью фактически было «единое целое отца и сына» (фуцзы ити父子一体), а не вся семья, соответственно наследование собственности становилось возможным лишь путем патрилинейной преемственности. Поскольку лишь сыновья могли продолжать совершать жертвоприношения предкам, только они и могли наследовать имущество. Дочь, не являясь ни совладельцем имущества, ни ритуальным преемником по отцовской линии, не могла быть наследником. Она могла рассчитывать лишь на получение материального обеспечения (шоуичжэ 受益者), будучи ребенком, и приданого перед замужеством.

Сига рассматривал южносунский феномен отклонением, которое отнюдь не опровергало его главную мысль. Он считал, что какой бы ни была природа закона, она не происходила, как полагал Ниида, из местных обычаев. Да, те законы были действительно уникальными, и в рамках всей истории Китая они являются чем-то большим, чем аномалия. Аргументы Сига так же согласуются с главной мыслью всех его работ. Прежде всего он был заинтересован в раскрытии общих постоянных принципов, которые лежали в основе как обычаев, так и законов в истории Китая. Его не увлекали отдельные законы конкретного периода или происходившие с течением времени перемены.

Интерес к южносунским судебным разбирательствам, к спору Ниида Нобору и Сига Сюдзо возник вновь уже в 1990-е гг. в связи с публикацией в 1987 г. дополненной и широко доступной версии сборника «Цинминци»². В возобновленной дискуссии некоторые ученые отдавали свои голоса за аргументацию Ниида, другие разделили скептицизм Сига.

Патриция Эбри в нескольких работах представила совершенно иную интерпретацию южносунских судебных дел. С упадком аристократического сословия и возвышением ученых кругов, по ее мнению, большой выкуп за невесту танского времени спровоцировал большое приданое сунской эпохи, когда семьи высшего общества

² Около половины сборника была переведена на английский язык: Brian McKnight, James T.C. Liu. The enlightened judgments: Ch'ing-ming chi, the Sung dynasty collection. Albany: State University of New York Press, 1999.

стремились повысить свой статус и политический престиж через выгодный брак дочери. Возрастающая значимость приданого привела к пересмотру государственного закона о наследовании имущества при Сун, чтобы гарантировать материальную обеспеченность дочерей.

Другое видение этой проблемы содержится в книге Кэтрин Бернхард «Женщины и собственность в Китае, 960–1949». Она приводит доводы в пользу того, что закон о наделении дочери имуществом в размере $\frac{1}{2}$ от доли сына, по всей видимости, вовсе не существовал; даже если он и был издан, то его нужно рассматривать как исключение не только для истории Китая в целом, как считал Сига, но и для самого южносунского периода.

Синолог Беттина Бирдж, явно разделяя взгляды Ниида, полагает, что произошедшие в сунское время концептуальные изменения в кодифицированном законодательстве, правоприменении и эволюция права способствовали подрыву конфуцианских идеалов в то время, когда культура элиты переживала возрождение конфуцианства. Уже на закате Тан можно увидеть наметившийся отход от патрилинейности и тенденции увеличения передаваемого имущества женщинам.

Китайский историк Син Те, специалист по правам наследования династий Тан и Сун, полагает, что исходя из произошедших перемен в имущественных правах дочерей после Сун «закон $\frac{1}{2}$ доли», скорее всего, не существовал. По крайней мере это было чрезвычайно аномальное постановление, которое не привнесло серьезных изменений в правовую и общественную практику. Многие из судебных решений очень гибкие, продолжает Син Те, а некоторые даже случайны, по этой причине они не обладают универсальным характером и не могут выступать в качестве аргумента.

Как бы то ни было, ажиотаж вокруг «сунской аномалии» поутих, поэтому стоит попытаться представить полноценную картину конкретных имущественных прав и возможностей в наследовании семейной собственности представительницами женской половины дома. Возможностей прямого наследования у женщин было не так уж и много, однако они располагали потенциалом косвенного (цзяньцзе 间接) наследования, что, по мнению Син Те, является главной отличительной особенностью имущественных прав женщин.

При изучении данного вопроса обнаруживается несколько подводных камней. Во-первых, с позиций современной юриспруденции наследование имущества является правовой категорией, а в обществе старого Китая наследование собственности было обычаем (миньцзянь сису 民间习俗), обусловленным взаимоотношениями между людьми, а не санкцией государства. Китайское право включило в свои нормы некоторые «моральные правила» ли (礼), и все же в законах традиционного общества невозможно увидеть всех реалий семейной организации и традиций. Нельзя оперировать лишь законодательными актами и статутами как единственным существующим источником. Во-вторых, было бы неуместно проводить прямые сравнения между имущественными правами женщин и мужчин. Кроме того, нельзя забывать о том, что права наследования женщин обладают двумя принципиально важными характеристиками: женщины могли претендовать на долю при разделе имущества семьи мужа, тем самым их права в отличие от мужчин не ограничивались лишь собственностью родительского дома. Порой женщина получала имущество через косвенный «завуалированный» способ наследования, тогда как наследование у мужчин носило прямой характер.

Источники

Наиболее ранним полностью сохранившимся до наших дней источником по законодательству относительно семьи, брака и собственности в императорском Китае является кодекс династии Тан (618–907) «Танлюй шуи» (唐律疏议) — «Уголовный кодекс Тан с комментариями и разъяснениями». Танский кодекс стал путеводной звездой последующего китайского правотворчества, а также непоколебимым образцом кодифицированного права для Японии, Кореи и Вьетнама.

Огромное значение танского кодекса, а также крайне почтительное отношение китайцев к прошлому обусловили то, что кодексы последующих династий во многом копировали положения танского свода законов.

Сунская династия (960–1279) предприняла колоссальные усилия по объединению и удержанию единства в стране, поэтому незамедлительно после провозглашения новой династии государство принялось за ревизию кодифицированного права и вспомогательных правовых актов с целью создания универсальных, всеобъемлющих и постоянных правовых норм. От сунского времени осталось больше исторических документов, поэтому возможно достаточно детально проследить эволюцию законов. Уголовный кодекс династии Сун «Сун син тун» (宋刑统) — «Собрание уголовных законов династии Сун» — был обнародован в 963 г. В стремлении подчеркнуть преемственность с прошлым многие положения нового кодекса были взяты дословно из танского.

Главное отличие двух кодексов заключается в том, что в сунский свод были включены элементы более позднего законодательства (статуты, эдикты и проч.), т. е. соответствующие разделы кодекса «обновили», тем самым документ стал более удобным и практичным в использовании. Отвечая потребностям времени, сунское кодифицированное право регулярно дополнялось и корректировалось большим количеством законодательных постановлений, состоявших из четырех групп: лин (令), гэ (格), ши (式) и чи (敕). Танские и сунские административные статуты лины были не менее значимы для рутинного судопроизводства, чем сами кодексы. Кроме этого важным источником по правовой истории сунского периода является раздел «Син фа» (刑法) из «Сун хуэй яо» (宋会要) — «Собрания важнейших сведений династии Сун».

Детальные предписания о порядке раздела и наследования имущества содержатся в танском статуте 户令 в разделе «Фэнь тяньчжай цзи цайю» (分田宅及财物), изданном в 719 г. и переизданном в 737 г. Позднее текст статута вошел в сунский кодекс. Беттина Бирдж в своих работах называет этот документ «статутом о наследовании». Как и другие аспекты танского права, данный статут был разработан с целью укрепления конфуцианских идеалов семейной организации, базировавшейся на патриархальной и патрилинейной схеме. Незыблемыми постулатами кодекса является главенство старших над младшими, мужчин над женщинами. Сыновья и внуки не могли регистрировать самостоятельное независимое хозяйство до тех пор, пока живы их родители — наглядный пример патриархального контроля над собственностью.

В соответствии с конфуцианским домостроем передача собственности от одного поколения к другому была тесно связана с преемственностью по мужской линии. Хотя в ранних конфуцианских произведениях описана строго патрилинейная форма передачи собственности старшему наследнику (цзунцзы 宗子, старший сын старшего сына), уже начиная с ханьского времени каждый сын в семье устанавливал свою

родословную линию и поэтому получал равную с другими братьями долю семейного имущества. Принцип «старшие и младшие братья получают равные доли» (сюнди цзюньфэнь 兄弟均分) был воплощен в танском статуте о разделе имущества. Если один из братьев умер на момент раздела собственности, его сыновья делили между собой его долю: «сын наследует долю отца» (цзы чэн фу фэнь 子承父分). На первый взгляд может показаться, что эти основные принципы равного распределения между братьями исключали женщин из процедуры официального или прямого наследования. Однако в распоряжении дочерей были определенные формы наследования собственности в доме родителей.

Наследование собственности в родительском доме

Приданое (ляньчань пэйцзя 奩产陪嫁). Согласно разделу «Фэнь тяньчжай цзи цайу» танского статута о дворах и 12 цзюаню «Брак и семья» сунского уголовного кодекса девушки наделялись имуществом в виде приданого. В статуте сказано, что если раздел семейного имущества происходит до вступления сыновей и дочерей в брак, то отдельная его часть должна быть выделена на помолвку сына, а половина от этой доли — на приданое дочери [4]. Не совсем ясно, каким был размер приданого, если не осталось неженатых сыновей. Понятно, что в реальной жизни это предписание не всегда строго выполнялось.

Исследователь Чжэн Сяньвэнь, проанализировав соответствующие документы из Дуньхуана, подтверждает: согласно завещаниям танского времени при разделе семейного имущества предполагалось выделить долю и дочерям [5, с. 200].

Выйдя замуж и перейдя в патронимию мужа, дочь переставала быть членом родительской семьи, соответственно ее права на долю при последующем разделе имущества ослабевали или даже полностью аннулировались. Поэтому она получала причитающуюся ей долю имущества накануне свадьбы в виде приданого. В средневековом китайском обществе социальный статус подкреплялся материальным благосостоянием. Вступая в новую семью, невеста несла вместе с собой и статус своих родителей, воплощением которого был размер приданого. Согласно общей практике при вступлении в брак приданое невесты должно было соответствовать социальному и материальному положению ее семьи. Приданое помогало дочерям закрепить свой статус в семье мужа и создавало их экономическую основу.

Отличительным признаком собственности жены (в большинстве случаев приданого) было то, что она не фигурировала в процессе раздела семейного имущества, жена обладала пожизненным правом на свое приданое [5, с. 182–183]. В танском кодексе в 12 цзюане в комментарии к статье 162 сказано: «Полученное из семей жен имущество не подпадает под раздел» [6, с. 133]. Опять же образцовой эпохой в этой связи выступает Сун. Приданое было в личном распоряжении жены до и после раздела семейного имущества. Если у женщины были дети, то после ее смерти приданое переходило к ним. Если жена умирала бездетной, то судьба ее приданого оставалась туманной, поскольку ни в танском, ни в сунском законодательстве нет четких разъяснений на этот счет. Именно поэтому приданое зачастую становилось предметом споров и разбирательств между различными членами семей (как мужа, так и жены).

Не будет преувеличением сказать, что по части надления дочерей внушительным приданым сунская династия была образцовой эпохой. Беттина Бирдж полагает,

что в сунское время наблюдались как количественные, так и качественные изменения в законе о наследовании собственности и его интерпретации. Эти новые тенденции в свою очередь противоречили принципу патрилинейности и в конечном итоге сломали концептуальный барьер между женским и мужским институтом наследования имущества [7, с. 855].

Скорее всего, ситуация обстояла несколько иначе. Танская аристократия постепенно исчезала, ее место занимает сунская элита, преобразившаяся в ученое сословие. В новых условиях приданое приобрело совершенно новое значение. Учитывая экономическую неустойчивость в начале правления новой династии, хорошее приданое могло обеспечить политическое и социальное возвышение, а также могло служить неприкосновенным запасом на случай нужды. Большое приданое стало требованием времени, порой причиняя трудности по его сбору родителям дочерей. Тем самым новые исторические обстоятельства предоставили женщинам преимущества в получении семейного имущества.

В своей знаменитой книге по организации семейного быта «Юаньши шифань» (袁氏世范), написанной в 1178 г., Юань Цай 袁采 (1140?–1195) отмечал, что семьям с достатком следует наделять своих дочерей солидным приданым, поскольку размер приданого является главным предметом переговоров по устройению свадьбы. Он считал, что затраты на приданое — это самые большие расходы, которые когда-либо случаются в семье, за исключением похорон. Если родители не выделяют достаточное количество денег, то станут свидетелями унижения своей дочери в новой семье [8, с. 116].

Столетием ранее Сыма Гуан 司马光 (1019–1086) также предостерегал от подобных проблем. Он рассказал поучительную историю о человеке, дети которого вступили в спор за наследство, а дочь была вынуждена судиться за свое приданое [9, с. 233]. Тот факт, что дочь обратилась в суд, свидетельствует о том, что дочери рассматривали приданое как свое имущественное право.

Син Те приводит несколько примеров того, как дочери могли под различными предложениями получить добавление к своему приданому уже после свадьбы [10, с. 53].

Замужняя женщина была совладелицей имущества своего мужа. После его смерти она наследовала его имущество. Вдова как бы олицетворяла патрилинейную преемственность. Она могла владеть и распоряжаться собственностью мужа только в том случае, если не выходила замуж повторно, оставаясь целомудренной вдовой. Если же вдова вновь выходила замуж, она тем самым разрывала линию преемственности в семье мужа и не могла более претендовать на имущество, хотя приданое могла забрать с собой.

Вымершие семейства (хуцзюэ 户绝). При определенных обстоятельствах дочери оказывались вовлечены в иную форму наследования. Это связано с так называемыми «вымершими семействами» хуцзюэ, в которых оба родителя умерли, не оставив после себя сыновей, а наследник усыновлен не был. Конкретная политика распределения собственности хуцзюэ при Тан и Сун несколько отличалась. Согласно танскому законодательству (статут о похоронах 丧葬令), после того как оплачены похоронные расходы, оставшаяся часть имущества целиком переходила во владение дочерей. Если дочерей у умерших не было, то имущество делилось поровну между ближайшими родственниками по линии мужа (братьями, племянниками, дядьями, кузенами). Если никого из родственников в живых не осталось, собственность переходила во

владение государства. Танское законодательство не делало различий между замужними и незамужними дочерьми [4].

В сунские времена процесс распределения собственности цзюэху был изменен. В отличие от танских постановлений сунское право классифицировало дочерей на незамужних (цзайши 在室), возвратившихся (гуйцзун 归宗) и замужних (чуцзя 出嫁). Теперь только незамужние дочери обладали правом на все имущество цзюэху; доля возвратившихся дочерей была значительно урезана; самой малой была часть, причитавшаяся замужним дочерям. Если после смерти родителей остались только возвратившиеся дочери, они получали $\frac{1}{2}$ собственности цзюэху, остальная половина переходила в распоряжение государства. Если остались только замужние дочери, они получали лишь $\frac{1}{3}$ имущества, остальное — государству. Но если у них были незамужние или возвратившиеся сестры, они не получали ничего.

Дочерям иногда приходилось разделять права на собственность цзюэху вместе с наследниками, назначенными после смерти родителей. Если родители умерли, не оставив после себя мужского потомства, а наследник усыновлен не был, то родственники мужа могли назначить наследника посмертно. Такие преемники были лишены права наследовать семейное имущество во всей полноте, однако могли претендовать на $\frac{1}{3}$ собственности цзюэху.

Кэтрин Бернхард подчеркивает, что права дочерей на наследование собственности цзюэху не были безусловны. Как при Тан, так и при Сун только в том случае если усопший не оставил после себя завещания о передаче его собственности, вступали в силу права дочерей. Любое завещание могло аннулировать закон. Конечно, при этом дочь могла получить даже большую долю, чем предписывал закон, или наоборот [11, с. 16].

Если же дочь хотела получить вечное право на *всю* собственность цзюэху со всеми вытекающими последствиями (продолжение линии семьи, надлежащее ведение хозяйства, отправление ритуала и проч.), то она могла выйти замуж за жучжюя (入赘), т. е. взять в мужья примака [10, с. 55–56]. Такие женщины становились исключением в указанной выше классификации дочерей в сунское время. Взяв в мужья примака, дочь формально была «замужем», хотя продолжала жить в доме своих родителей, т. е. она не была *выдана* замуж. Таким способом дочь могла расширить и укрепить свои права на родительскую собственность, которая в итоге исключалась из категории хуцзюэ. Зять же приносил «приданое» из дома своих родителей в дом жены, и оно становилось собственностью супружеской пары.

Начиная с ханьского времени в семьях, в которых были лишь дочери и дочь должна была продолжить род, появились зятя-примаки. Жизненные ситуации, когда мужчина шел в примаки, были различны, поэтому со временем принято классифицировать примаков по четырем категориям:

1) янлаосюй (养老婿), или жушэсюй (入舍婿), — мужчина, всю жизнь проживший в семье жены и взявший ее фамилию; дети от этого брака также брали фамилию матери;

2) гуйцзунсюй (归宗婿), или шэцзюйсюй (舍居婿), — муж фамилию не менял, жил в доме родителей жены до их смерти, затем, оставив одного из сыновей наследовать собственность родителей жены, забирал жену в свой дом;

3) няньсяньсюй (年限婿) — муж живет с женой в доме ее родителей установленное количество лет, по истечении срока забирает жену и детей и начинают жить отдельно

(как правило, он не мог выплатить выкуп за невесту, поэтому был вынужден принудительно работать на тестя, иногда женой становилась одна из служанок дома);

4) чушэсюй (出舍婿) после свадьбы молодожены продолжали жить отдельно в семьях своих родителей; после смерти родителей жены супруги решали, в каком доме жить.

Только мужчины первой категории могли наследовать имущество жены. Син Те указывает, что все обозначенные категории появляются в китайском обществе не позднее сунского времени, наибольшее распространение браки с женихами-примаками получили во время юаньской династии [10, с. 58].

Усыновление племянника или внука в качестве наследника (лисы 立嗣). Семьи без детей или те, в которых были лишь дочери, не желавшие брать в мужья примака, чтобы избежать зачисления в списки хуцзюэ, могли усыновить ребенка, назначив его наследником-продолжателем линии семьи. Только наследники, усыновленные родителями до их кончины, обладали теми же правами (включая право наследования всей семейной собственности) и несли те же обязательства, что и родные сыновья. Как правило, выбор приемного наследника осуществлялся из двух вариантов: предпочтительно, чтобы статус в семейной организации выбранного наследника был сын брата (племянник) или внук брата (внучатый племянник) либо это мог быть сын замужней младшей/старшей сестры (племянник) или сын дочери (внук). Обычно кандидаты от сестер и дочерей стояли за кандидатами в наследники от братьев. Син Те полагает, что ситуация когда дядя (брат матери) делал своим наследником племянника (сына своей сестры), с социологической точки зрения была свидетельством возврата к матриархальной линии наследования. То есть представитель женской линии, сын сестры или дочери, возвращался в родительский дом своей матери, чтобы продолжить родословную и унаследовать имущество. В действительности же, по мнению Син Те, это предоставляло дополнительную возможность косвенного способа наследовать имущество родителей для замужней женщины в императорском Китае [10, с. 55].

Права наследования в доме мужа

Несмотря на то что имущественные права женщин в доме родителей уступали правам мужчин, они располагали дополнительной возможностью — наследованием собственности в семье мужа.

Остаться вдовой (шоуцзе 守节). Женщины наиболее часто соприкасались с вопросами наследования собственности, выступая в качестве вдов. Если у умершего были сыновья, они получали долю своего отца на момент разделения семейной собственности («цзы чэн фу фэнь»). Если сыновей не было, вдове разрешалось наследовать имущество умершего супруга и распоряжаться им в том случае, если она не выходила замуж повторно.

Танский кодекс гласит: «Всякий сын или внук по мужской линии, когда дед или бабка по мужской линии либо отец или мать живы, отдельно зарегистрировавшийся в подворных списках (цзи) или отделивший имущество, наказывается 3 годами каторги» [6, с. 121]. Соответственно, если была жива мать, раздел имущества проводить запрещалось. Конечно, на практике могло быть по-разному, но по крайней мере это

свидетельство того, что номинально имущество отца наследовали малолетние сыновья, но фактическим распорядителем и владельцем собственности была вдова.

Согласно сунскому праву, целомудренная вдова была именно полноправным распорядителем собственности мужа. Обычно, когда вдова окончательно состарилась или умерла, ее сын мог стать наследником собственности усопшего отца, и интересно заметить, что получал он эту собственность из рук матери, а не отца.

Еще более неожиданным является то обстоятельство, что даже бездетная наложница-вдова обладала правом наследования части имущества мужа! Син Те приводит в качестве примера раннетанский случай раздела имущества между двумя дочерьми жены, которой на тот момент не было в живых, и наложницей (конечно, если она, как и жена, не выйдет повторно замуж) [10, с. 66–67].

В отличие от Мин и Цин при Сун бездетные вдовы обладали очень большими полномочиями в назначении наследника. По сунскому законодательству, назначение наследника было не обязательством, а прерогативой вдовы. Вдова, будучи представителем своего мужа, обладала законным правом утвердить наследника, причем вмешательство родственников мужа не предполагалось. При утверждении наследника решение, из какой линии родства выбрать, зависело целиком от нее.

Однако не обходилось без конфликтов. В целом положение вдовы было достаточно уязвленным, зачастую на собственность ее мужа могли посягать его ближайшие родственники. Если бездетная вдова повторно выходила замуж, выбор наследника оставался за родственниками мужа, а они точно выбирали мальчика из своего клана. Если вдова наследника не назначала, то хозяйство переводилось в статус хуцзюэ, и его часть переходила родственникам мужа. А если вдова хранила верность мужу и совершенно законно получала имущество, братья мужа теряли надежду на получение наследства. В таких случаях они могли попытаться отобрать имущество вдовы путем женитьбы одного из братьев на ней, тем самым собственность возвращалась в клан мужа. Либо предпринять попытку выжить вдову из дома, обвинив в прелюбодеянии [10, с. 68].

Взять в мужа цзецзяофу (чжао цзецзяофу 招接脚夫). Оставшись без мужа, вдова не только могла испытывать притеснения и посягательства на собственность со стороны родственников мужа, но и сталкивалась с трудностями ведения хозяйства и воспитания детей. В этом случае она могла найти мужчину цзецзяофу, относящегося к описанным выше категориям примачков. Это означало, что мужчина переезжал в дом вдовы и должен был взять себе фамилию ее усопшего мужа. В его обязанности входила помощь по ведению хозяйства, воспитанию детей вдовы и забота о стариках. Компенсацией за это являлось то, что цзецзяофу мог пользоваться имуществом умершего мужа. Подобная практика была не просто распространенным явлением в народе, но и имела силу закона. Начиная с сунского времени появляется больше исторических свидетельств о таких «браках».

Согласно сунскому законодательству, если умерший, лишенный мужского потомства, до своей смерти поделил семейную собственность своих родителей с братьями и утвердил свое независимое хозяйство, а его вдова приняла в дом цзецзяофу, то земля, зарегистрированная за ней как главой хозяйства, не должна была перерегистрироваться. После ее смерти имущество получало статус цзюэху [10, с. 72]. В данном постановлении особенно подчеркивался запрет регистрировать собственность

на другое имя, поскольку в таком случае государство теряло контроль над имуществом и оно не попадало под политику цзюэху. То есть мужчины цзецзяофу обладали только правом пользования, прав наследования они были лишены. Формально они даже могли стать во главе всего хозяйства, но фактическим распорядителем и главой собственности оставалась вдова. Из всех категорий примачов статус цзецзяофу был самым низким. Обычно цзецзяофу становились крайне бедные и ничемные мужчины, порой условия их проживания и работы в семье вдовы были почти кабальными.

Кроме этих могли быть и другие обстоятельства. Если вдова повторно выходила замуж, но забирала детей в семью нового мужа, то она имела право забрать и какую-то часть имущества первого мужа. Если же вдова вновь выходила замуж, а детей у нее не было или она их оставила в семье умершего, то это объективно расценивалось как отказ от несения семейных обязанностей, соответственно право на имущество мужа она теряла окончательно, могла забрать с собой лишь приданое.

Случалось и так, что вдова могла воспользоваться этим правом в корыстных целях и сверх прочего «прихватить» из дома мужа часть семейной собственности. Некоторые вдовы умудрялись записать часть имущества своего мужа при его жизни на свое имя, а после его смерти забрать ее вместе с приданным.

Как было указано выше, обычай наделять дочь приданым оставался неизменным на протяжении веков. Однако в юаньское время (1271–1368) в 1303 г. вышло постановление, согласно которому повторно вышедшей замуж женщине было запрещено забирать приданое в новую семью [10, с. 74]. Это правило действовало и при Мин (1368–1644), и при Цин (1644–1911). Тем не менее в 19 цзюане юаньского собрания правовых актов «Юань дянъ чжан» (元典章) указывалось, что имущество жены было по-прежнему неприкосновенным при разделе семейной собственности, как при Тан и Сун [10, с. 54].

Син Те полагает, что перемены в юаньском законодательстве вовсе не являются свидетельством того, что статус женщины стал ниже. Он объясняет это тем, что в юаньское время было зарегистрировано немало смертей чиновников с севера, отправленных на службу в южные регионы империи. Они ехали на службу с тяжелым сердцем и были обеспокоены, что в случае их смерти жена выйдет замуж повторно и под предлогом приданого заберет и часть семейного имущества. Поэтому были внесены соответствующие поправки. В целом данная аргументация выглядит убедительной.

Заключение

Имущественные права женщин в истории средневекового Китая носят достаточно динамичный характер. Хотя права женщин сильно уступают правам мужчин, а некоторые из перечисленных выше пяти форм наследования имущества встречались редко, тем не менее это были реальные возможности для женщин получить часть семейной собственности.

Первая серьезная перемена в имущественных правах женщин произошла при Юань. Следующая — в начале Мин с принятием законодательного предписания об утверждении племянника в качестве наследника в семьях без мужских отпрысков. Женщины дорого заплатили за это нововведение, которое отменяло имущественные притязания вдов и дочерей. Для дочерей утверждение племянника наследником оз-

начало потерю всякой возможности наследовать имущество в отсутствие братьев, претензии племянников превосходили претензии дочерей. Для вдов новое правило означало если не полную потерю имущественных прав, то серьезное посягательство на них. Но в связи с возвышением и пропагандой образа целомудренной вдовы данное постановление было отменено. В цинском законодательстве появился пункт, разрешающий вдове отвергнуть кандидата в наследники, если он приходился ей не по душе.

Изучение имущественных прав женщин в институте наследования императорского Китая остается комплексной и непростой темой. Танско-сунские законы оказали двойное воздействие на права женщин в наследовании семейной собственности, расширяя их в одних случаях и ограничивая в других.

Литература

1. 中田薰. 唐宋時代の家族共产制. Накада Каору. Тан-Сун шидай дэ цзяцзу гунчаньчжи // 国家学会杂志. Гоцзя сюэхуэй цзачжи. 1926. № 40 (7, 8).
2. 仁井田陞. 中国法制史研究: 奴隶农奴法和家族村落法. Ниита Нобору. Чжунго фачжиши яньцзю: нули нунлифа хэ цзяцзу цуньлофа. Токио: Изд-во Токийского университета, 1981.
3. 滋贺秀三. 中国家族法原理. Сига Сюэцзо. Чжунго цзяцзуфа юаньли. Перевод на кит. яз. 张建国 Чжан Цзяньго, 李力 Ли Ли. Пекин: Фалюй чубаньшэ, 2003.
4. 仁井田陞. 唐令拾遗. Ниита Нобору. Тан лин ши и. (Собрание сохранившихся до наших дней законов группы «лин» династии Тан). Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 1989.
5. 郑显文. 唐代律令制研究. Чжэн Сяньвэнь. Тандай люйлинчжи яньцзю. (Исследование танской законодательной системы). Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2004.
6. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9–16. Пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
7. *Birge B. Inheritance and Property law from Tang to Song: the move away from Patrilineality / 唐宋女性与社会. Тан-Сун ньюсин юй шэхуэй. (Женщины и общество династий Тан и Сун); под ред. 邓小南 Дэн Сяонань: в 2 т. Т. 2. Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2003.*
8. *Ebrey P. B. Family and property in Sung China: Yuan Ts'ai's precepts for social life. Princeton: Princeton University Press, 1984.*
9. 郭东旭. 宋代法律与社会. Го Дунсюй. Сундай фалюй юй шэхуэй. (Сунское право и общество) Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008.
10. 邢铁. 家产继承史论. Син Те. Цзячань цзичэн шилунь. (Об истории наследования семейного имущества). Изд-во Юньнаньского университета, 2000.
11. *Bernhardt K. Women and property in China, 960–1949. (Law, Society, and Culture in China Series). Stanford: Stanford University Press, 1999.*

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.